

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2016» атты
XI Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XI Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2016»

PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION - 2016»

2016 жыл 14 сәуір
Астана

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2016»
атты ХІ Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ХІ Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2016»**

**PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2016»**

2016 жыл 14 сәуір

Астана

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

Ғ 96

Ғ96 «Ғылым және білім – 2016» атты студенттер мен жас ғалымдардың XI Халық. ғыл. конф. = XI Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2016» = The XI International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2016» . – Астана: <http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2016. – б. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-764-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

ISBN 978-9965-31-764-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2016

По татарски и башкирски счет дней ведется от субботы. Легко заметить, что название понедельника на башкирском звучит также, как название столицы Таджикистана – Душанбе. Дело в том, что на этом месте раньше было небольшое селение Душанбе Бозор, по понедельникам там устраивался большой базар, на который съезжались окрестные селения.

У казахского народа «Семидневная неделя, - пишут А.Буткевич и И. М. Зеликсон, - период производной (семь дней приближенно соответствуют четверти лунного месяца или продолжительности одной фазы луны), созданной искусственно в странах Древнего Востока и имеющий религиозно-астрономическое происхождение. В древности людям были известны семь планет, т.е. «блуждающих» светил (Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн), каждой из них посвящался один день недели.

Заключение

Календарь каждого народа имеет свою историю, и почти у всех он связан с прошлым. Названия дней недели возникли давно, имеют различное происхождение. Нам было интересно сравнить названия дней недели родного (татарского) языка с башкирским и казахским. Изучив эти названия в сравниваемых языках, можно сделать следующие выводы:

1. Общим является то, что все эти языки относятся кыпчакской группе тюркских языков. По этому нам легко воспринимается звучание слов.

2. Если сравнить только татарский и казахский, казахским и татарским разницы не больше, чем с башкирским. Например: пәнжешәмбе, бейсенбі и кесазна. У казахского и татарского языка такая общность продолжает сохраняться, несмотря на то, что у них подобного централизующего и объединяющего начала вроде как не было, и нет вот уже столько столетий. Их близость, надо полагать, восходит корнями к временам могущества Золотой Орды. А поразительная языковая близость и общность сохраняется поныне. Она все еще, как можно предположить, настолько крепкая, что при ближнем знакомстве со связями казахской речи с татарской, а также, башкирской речью начинаешь проникаться сомнениями относительно того, что разговор идет об отдельных языках, а не о диалектах одного и того языка.

Список использованных источников:

1. Беркутов В. М. Народный календарь и метрология булгаро-татар. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 95 с. – С. 57-61.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Из-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.

УДК 81'255.4

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТОНИМИИ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Мусаханова Гауһар Түрсынбекқызы

mussakhanovagt@mail.ru

Магистрант специальности «Переводческое дело» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана,
Казахстан Научный руководитель – к.ф.н., доцент Бейсембаева Ж.А.

Определяя специфику символа как знака особого рода, исследователи обращаются к неконвенциональным аспектам связи означающего и означаемого, метафорическим и метонимическим. Так, Р.О. Якобсон утверждал, что символический характер поэзии, её полисемантичесность есть следствие взаимодействия отношений сходства и смежности [6]. В некоторых современных исследованиях «метонимический символ» рассматривается как исторически предшествующий «метафорическому» [4]. Однако в большинстве работ, посвященных мотивированности символа, метонимический аспект семантики символа рассматривается как второстепенный, по сравнению с метафорическим, либо игнорируется.

Существенность метонимического аспекта в семантике символа и недостаточность описания специфики символа в метонимическом аспекте обусловили обращение к данной теме.

Действительно, символ как знак со специфическим, панрелятивным означающим, соответствующим концепту в культурологическом смысле [1], имеет значительное сходство с метонимией, поскольку каждый конкретный семантический элемент в означаемом символа так или иначе связан, смежен с понятийным означающим одноименного символу конвенционального знака.

Вместе с тем в сущностном плане символ не является тропом и уже этим, как и в случае с метафорой, не тождествен метонимии. В функциональном плане специфика метонимии видится исследователями в непосредственной предикации референта агентом и совпадении буквальная рамки с фокусом, что не позволяет метонимии указывать на абстрактное содержание [5]. Однако это не единственное функциональное отличие.

Будучи тропом, метонимия реализует один из возможных способов номинации (переносный). Означающее символа с его предельным уровнем абстрактности не допускает иного, не символического способа обозначения. В качестве альтернативы может рассматриваться описательный способ, однако обозначение «по частям» меняет и характер восприятия обозначаемого: сгусток культурного смысла, понимаемый в качестве целостного, органичного единства, превращается в набор потенциальных значений. Иначе говоря, если метонимию можно рассматривать как форму вторичной номинации, символ в качестве таковой рассматривать нельзя: описание семантики символа автологическими средствами отягощает смысл элементами метаязыка описания.

В логическом аспекте функционирования метонимия актуализирует импликации двух понятий путем замены номинации одного компонента номинацией другого. Символ же выходит за рамки логики, поскольку допускает не только непосредственные, но и опосредованные пропущенными (утраченными, трансформировавшимися) связующими элементами импликации. Это порождает новые возможности сочетаемости. Например, сочетание «разбить сердце» с точки зрения логических импликаций невозможно: нет такого объекта (целого, части, причины, условия, следствия и т.д.), который в данном случае мог бы быть метонимически назван словом «сердце», так как никакая из этих импликаций не имеет признаков твердости, хрупкости, заданных метафорой «разбить». С точки зрения символического значения слова «сердце» существует широкий спектр ассоциативной смежности: жизнь, чувство, расположение, целеустремленность, осмысленность, предпочтительность и т.д., который допускает совместное использование слова «сердце» и слова «разбить». Метафорическое значение номинации «сердце» по сходству функции обусловлено символическим, которое, в свою очередь, обеспечено метонимическим механизмом символизации: то, что ассоциируется с жизнью (чувством, расположением, целеустремленностью и т.д.), может метафорически рассматриваться как нечто, обладающее признаком хрупкости.

В каждом случае метонимии как замены имен смежных понятий устанавливается определенное направление связей, актуализируется одна из логических цепочек. В случае с символом все, в том числе разнонаправленные, ассоциативные цепочки актуализируются одновременно, что приводит к ассоциированию элементов различных направлений, в том числе взаимоисключающих. Так, символическое содержание номинации «дом» ассоциируется со свободой и тюрьмой, возможностями общения и его ограниченностью, подчиненностью и главенством и т.д., «река» – с движением и статичностью, жизнью и смертью, путем и преградой и т.д. Это свойство символа делает его незаменимым при обсуждении сложных и внутренне противоречивых явлений жизни с учетом того, что различие аспектов может приводить к эффекту мнимого взаим(не)понимания, при котором одни и те же слова наделяются разными смыслами.

Метонимия, как и метафора, базируется на принципе фиктивности [3], рассматривать метонимичную форму выражения как буквальную невозможно, поскольку это не согласуется со здравым смыслом и понятийной сочетаемостью. Означаемое символа мыслится как

изначально заданная реальность, существующая независимо от мнения, видения, точки зрения отдельного человека и в конкретном, и в отвлеченном аспекте; оно не предполагает действий по верификации соответствия означающего означаемому. Символ находится и вне возможности трансформации микроконтекста в нечто логичное, непротиворечивое, поскольку алогичность и противоречивость предусматриваются природой означаемого символа.

Метонимия может рассматриваться как механизм компрессии, в котором первичная, уточненная распространителем номинация опускается как лишняя, само собой разумеющаяся, а вместо нее используется трансформированная или буквальная номинация конкретизатора первичной номинации, имеющая более важное значение. Например, выражение «лекарство от головы» – свернутое сочетание «лекарство от головной боли», «выпить два стакана» – «выпить воды в объеме двух стаканов». В отличие от метонимии, символ не компрессирует содержание высказывания за счет редукции средств прямого выражения, а кумулятивно расширяет его, подразумевая под собой все возможные связи. Символ не редуцирует и форму высказывания, поэтому контекст его упоминания невозможно дописать, указав другим способом то, что обозначено символом.

Метонимия в отличие от символа и метафоры не интерпретируется, а дешифруется, поскольку прямой и переносный (фактический и подразумеваемый) вид формы выражения семантически тождественны. То, что выражается метафорой и символом, не имеет другого способа обозначения (речевого в случае с метафорой и языкового в случае с символом) и локальности семантики, ограничивающей пределы их понимания. Из этого следует, что осознанное оперирование метонимией ориентировано на результат, хотя и обеспечивает актуализацию (разрушение автоматизма восприятия речи), а оперирование символом и метафорой – на процесс понимания. Как и метафора, метонимия может лежать в основе образования фразеологизмов, в том числе с утратой метонимической связи в пределах идиомы. Значение фразеологизма, основанного на метонимии, тем не менее не выводится из значений его компонентов. Символ в составе фразеологизма не только не утрачивает своих свойств, но и фрагментируется: фиксирует во фразеологизме частное отношение концепта. Например, «железная дорога» может условно интерпретироваться как всё, частью чего является дорога, сделанная из железа (рельсы, вокзалы, поезда, пассажиры, станции, разъезды, работники). В то же время символический смысл слов «дорога» и «железный» (производное от «железо») выводится из состава фразеологизма и составляет его семантику. «Дорога» – ‘жизнь человека в ее предопределенности’, «железо» – ‘бесчувственность, непоколебимость, неспособность к пониманию’. В сочетании символы дают смысл, соотнесенный с семантикой двух символов: ‘то, что ведет по жизни человека, лишненное чувства, понимания; лишаящая возможности выбора пути сила надличностного порядка’.

Метонимия – это риторический прием, основанный на определенной ассоциации (схожести) двух явлений. Нудно признать, что, будучи средством создания образа, метафора делает упор (сосредоточивает внимание) на конкретных предметах (объектах), которые используются в обобщенном значении. Авторы статьи полагают, что метонимия как риторический прием, используемый в политическом дискурсе, приобретает долгосрочный (устойчивый) образ, который дает возможность читателю или слушателю «читать (видеть) между строк». Другими словами, метонимия – это замена выражения фактически схожим термином или понятием. Существует несколько видов замены выражения фактически смежным понятием:

- замена автор/произведение (to read Halliday)
- замена продукт/материал (to wear leather)
- место/резиденция (the White House)

Метонимия широко употребляется в политическом дискурсе, что объясняет ее частое применение в политических текстах:

«Russia has signed the document in 1941 but has never ratified it» [The Times, June 8-14: 6].
(Россия в 1941 году подписала документ, но ни разу не одобрила его).

«*Estonia agreed to a certain set of rules when it signed the accession treaty*» [The Baltic Times, November, 16-22: 2]. (*Эстония согласилась на определенный набор правил, когда она подписала договор о вступлении*).

В данных примерах наблюдается свертывание синтагм. Так, вместо словосочетаний «представители Правительства России» и «представители Правительства Эстонии» (которые на самом деле выполняют все действия и принимают решения) употребляется метонимическое переименование.

Метонимия, как риторический прием, используемый в политическом дискурсе, способствует восприятию политических образов и выражает их значение в усиленном смысле, а лежащая в основе идея образа доносится до читателя или слушателя с помощью контекста.

Jesse Jackson, “Common Sense and Common Ground”: “*When we do not come together we never win. In 1968, division and despair in July led to our defeat in November. In 1980, rancor in the spring and the summer led to Reagan in the fall. When we divide we cannot win.*” / Джесси Джексон: «Здравый смысл и Общие Основания»: «*Если мы не соберемся вместе, мы никогда не победим. В 1968 году разделение и отчаяние в июле привели к нашему поражению в ноябре. В 1980 году затаённая ненависть весной и летом **привели к падению Рейгана**. Когда мы разделены мы не можем победить*». [URL: <http://www.arsrhetorica.net/gaines/style.html>].

Метонимические переименования несут некую идею образа. В данном примере показана смежность значения всей метонимической конструкции, «падение Рейгана» воспринимается не в прямом смысле, а в значении, смежным с ним, то есть речь идет о падении режима власти.

Geraldine Ferraro, “Vice Presidential Acceptance Speech”: “*I became an assistant district attorney, and I put **my share of criminals** behind bars.*” / Джеральдин Ферраро, «Речь принятия поста вице-президента»: «*Я был помощником окружного прокурора, и посадил за решетку **свою долю преступников***». [URL: <http://www.arsrhetorica.net/gaines/style.html>].

В данном примере метонимическая конструкция несет идею собственности, то есть из контекста понятно, что собственной «доли преступников» на самом деле быть не может. Речь идет о преступниках, дела которых раскрыл Ферраро.

Barack Obama, Keynote Adress at the Democratic National Convention in Boston, July 27, 2004: “*All of us pledging allegiance **to the stars and stripes***”. [<http://www.c-span.org/video/?182718-3/2004-obama-keynote-speech>] / Барак Обама, обращение на национальном съезде Демократической партии в Бостоне, 27 июля 2004: «*Все мы присягнули на верность **звездно-полосатому знамени***». [<http://idea-news.ru/laureaty/laureaty-nobelevskoi-premii-mira/biografiya-kandidata-v-prezidenty-baraka-obamy.html>]

Из данного примера мы понимаем, что под метонимией «звездно-полосатое знамя» подразумевается флаг Соединенных Штатов Америки, так как он изображает 50 звезд и 13 полос, которые отличают его от других флагов.

Barack Obama, 2008 Presidential Acceptance Speech: “*We cannot have a thriving Wall Street while Main Street suffers*”. / «У нас никогда не будет процветать Уолл-Стрит, пока Мэйн-Стрит страдает». [<http://genius.com/4169975>]

В данном примере используется метонимия, понятная для каждого гражданина США. “Wall Street” – экономика страны, “Main Street” – улица, которая существуют во многих городах штатов, где сосредоточены основные магазины и фирмы. Тем самым эта метонимическая конструкция вмещает в себя два смысла. Первое, экономика не будет процветать без поддержки малого и среднего бизнеса, и второе, что страна – едина, если где-то в государстве есть проблемы, то и в другой части без них не обойтись.

Таким образом, не будет ошибочным предположить, что метонимические переименования и сокращения в политическом дискурсе используются в целях соблюдения требований экономичности речевого выражения и сохранения большой плотности ее содержания.

Список использованных источников:

1. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
2. Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – С. 90-104.
3. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. (Документы. Материалы. Комментарии). – Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 144 с.
4. Малышева Е.Г. Идиостиль Владислава Ходасевича (опыт когнитивно-языкового анализа): дис. ... канд. филол. наук. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2007. – 231 с.
5. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. и др. Политология: методы исследования. – М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 544 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2011. – 208 с.
7. Медетова М.Е. Иноязычные заимствования в русском языке (на материале терминологии спортивных игр) // Сравнительно- сопоставительное изучение языков и интерференция. – Алма-Ата, 2009. – С. 84-89.
8. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 112-116.

УДК 37.013

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. ЛОНДОНА «TO BUILD A FIRE» – «КОСТЕР»

Мусина Рузалия Илдусовна

Ruzalia94.94@mail.ru

Студент Института филологии и межкультурной коммуникации им. Л. Толстого
Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Татарстан, Россия
Научный руководитель – О.А. Безуглова

Перевод есть перевыражение или перекодирование [Алексеева 2004 : 5]. Художественный перевод считается одним из самых сложных. Чем же он характеризуется? Во-первых, отсутствием дословности (буквализма). Во-вторых, переводчику приходится работать с фразеологизмами и фразеологическими оборотами, потому необходимо правильно находить эквиваленты. То же самое относится и к игре слов. В-третьих, это соблюдение эпохи, культуры и стиля. Переводчик должен знать, к какому времени и культуре относится это произведение, понять стиль написания и сохранить его.

Для выявления лексических и грамматических трансформаций мы выбрали произведение великого американского писателя Джека Лондона «To build a fire» и его перевод «Костер», выполненный В. Топером.

Чтобы приступить к анализу текстов, по нашему мнению, следует обратиться к некоторым теоретическим моментам и, опираясь на них, приводить примеры.

При переводе очень часто приходится прибегать к трансформациям. Ю. В. Пиввуева и Е. В. Двойнина понимают под трансформациями преобразование формальной или лексической структуры высказывания в соответствии с нормами языка перевода. Они выделяют 4 вида [Пиввуева, Двойнина 2004 : 55]:

1. перестановка:

«The animal was depressed by the tremendous cold» – «Лютый мороз угнетал животное»;